

Знакомый голос донесся до ушей Гу Шаобая, и он резко вскочил:

— Ты Ши Сань, тот самый извозчик, который вез меня в Мобэй!

Он быстро подошел к Юй Шисаню и присел перед ним:

— Как ты оказался здесь?

Увидев его лицо, Гу Шаобай замер:

— Ты... ты... почему ты выглядишь по-другому?

Юй Шисань спокойно смотрел на него, сохраняя прямую осанку:

— Я — тайный страж князя, Юй Шисань. Я не Ши Сань.

Гу Шаобай смущенно спросил:

— Ты же был извозчиком, разве нет?

— Это лицо не мое настоящее. Мне было поручено доставить вас в Мобэй и защищать по пути. Я также говорил вам, что мое имя — Тринадцать, но вы решили, что меня зовут Ши Сань.

Гу Шаобай задумался и понял, что так и было.

Он вдруг осознал:

— Эти медовые розовые пирожные, кислые конфеты и пилюли... это все...

Юй Шисань спокойно ответил:

— Да, пирожные и пилюля «Возвращение к истоку» были доставлены Лэн Дуном по приказу князя.

В сердце Гу Шаобая стало тяжело, словно там лежал маленький груз.

После расставания в городке Ухуа он думал, что ушел свободно и легко. Но оказалось, что Му Цинфэн давно держал его на привязи, и куда бы он ни пошел, тот всегда был рядом.

Только тогда он был полон ненависти, строил планы и не хотел давать ни капли искренности и тепла. Даже если они и были, то лишь с определенной целью.

Сердце, которое он считал защищенным и непроницаемым, вдруг раскрылось, и правда, которую он случайно увидел, хлынула внутрь, как соленая вода, причиняя боль.

Золотисто-красный закат накапливался на горизонте, превращаясь в яркие цвета.

Горные хребты, простирающиеся вдаль, в ослепительных лучах заката казались лишь черными крышами, уходящими в бесконечность.

Днем оживленная дорога, с закрытием городских ворот, стала особенно пустынной.

Зима уже наступила, и высокие тополя вдоль дороги, измученные осенними дождями, сбросили свои желтые листья. В угасающем свете они выглядели особенно уныло и тихо.

Лэн Дун натянул поводья и серьезно сказал:

— Князь, это то самое место.

Му Цинфэн сошел с лошади и встал на дороге, всматриваясь вдаль. Местность была окружена горными хребтами, а самая высокая вершина называлась Пик Собрания Духов.

Уезд Шоуцзюань, Цзинъян и Юаньпин были разделены горным хребтом в форме иероглифа «человек», и эти три уезда относились к трем разным префектурам: Шоинь, Аньян и Линчуань.

Лэн Дун подвел черную собаку, и по указанию Му Цинфэна достал из кармана шарик, дав ей понюхать.

Собака тут же рванула в сторону дороги с такой скоростью, словно гналась за добычей.

Му Цинфэн приказал сесть на лошадей и следовать за ней.

К счастью, Лэн Дун был умным и посыпал уши собаки фосфоресцирующим порошком, иначе в темноте она бы сразу потерялась.

Вдалеке виднелись два зеленых огонька, мелькающих в траве, и Му Цинфэн с группой гнались за ними.

Так они ехали около часа, пока огоньки не замедлились. Оказалось, они добрались до подножия горы.

В ушах зазвучало журчание воды — они оказались у ручья. По бокам возвышались черные каменные стены, словно они вошли в ущелье.

Собака, тяжело дыша, крутилась у ручья, обнюхивая землю.

Собака, тяжело дыша, беспокойно бегала кругами.

Лэн Дун приказал удержать ее и, повернувшись к Му Цинфэну, сказал:

— Князь, похоже, вода и запах гниющих растений перекрыли след. Продолжим ли мы, или вы дадите другие указания?

Му Цинфэн пристально посмотрел на противоположный берег ручья. Глубоко в ущелье было темно, и не было видно ни единого луча света. Оно напоминало огромное чудовище с раскрытой пастью.

Почему-то в его сердце возникло странное чувство, вызванное беспорядочно разбросанными камнями у входа в ущелье.

Эти камни, казалось, были брошены наугад, но чем дальше он смотрел, тем более подозрительными они казались.

Через некоторое время он сказал Лэн Дуну:

— Мне кажется, эти камни подозрительны. Они кажутся случайными, но, возможно, их положили намеренно.

Он, глядя на вход в ущелье, добавил:

— Я слышал, что некоторые магические формирования используют деревья, камни и рельеф местности. Это место похоже на такое формирование.

Му Цинфэн повернулся:

— Так как след уже очевиден, не стоит торопиться. Вход может быть опасен. Для безопасности, Лэн Дун, завтра отправь людей узнать, что это за место и есть ли здесь что-то необычное. Юй Ци, быстро вернись в столицу и привези Лин Миня, чтобы он осмотрел это место на наличие магических формирований.

Лэн Дун и Юй Ци кивнули, и все снова сели на лошадей, быстро вернувшись в гостиницу.

Маленький огонек отражался в полузакрытых глазах Гу Шаобая, дрожащий и слабый, словно гипнотизирующий.

Он сидел, подперев подбородок руками, кивая, как маятник, в то время как Юй Шисань сидел на табурете несколько часов, не меняя позы.

Гу Шаобай смутно подумал, что еще немного поспать не помешает. Но едва эта мысль пришла ему в голову, как Юй Шисань бросился к двери, с громким стуком распахнув ее.

Дверь ударилась о стену и отскочила обратно, и этот звук мгновенно развеял всю сонливость Гу Шаобая.

Он протер глаза и встал, как раз в тот момент, когда Му Цинфэн, весь в холодном воздухе, вошел в комнату.

Гу Шаобай заглянул за него:

— А где остальные?

— Пошли отдыхать.

Гу Шаобай осмотрел его с головы до ног. Он выглядел так же, как и уходил, значит, ничего серьезного не произошло. Он успокоился.

— Как продвигается расследование?

Му Цинфэн взял чашку с недопитым чаем Гу Шаобая и выпил залпом:

— Есть некоторые зацепки.

— Эй, это же... — Гу Шаобай хотел остановить его, но не успел, и только с улыбкой покачал головой.

Му Цинфэн сел на стул, где до этого сидел Гу Шаобай, поставил чашку и поднял бровь:

— Не делай из этого трагедии, я ведь уже пил твой остаток...

Гу Шаобай вспомнил, что он действительно пил его остатки супа, и был еще больше раздражен этой странной привычкой.

Молча он налил еще чашку горячего чая и протянул ему:

— Уже четвертый час, пора спать.

Му Цинфэн с улыбкой смотрел на него, но не брал чашку. Гу Шаобай, сдерживая желание выплеснуть чай ему в лицо, поднес чашку к его губам, думая, что делает это ради старшего брата.

Му Цинфэн наконец открыл рот, и Гу Шаобай намеренно налил слишком быстро. Му Цинфэн, глотнув, посмотрел на него с укором:

— Шаобай, ты что, хочешь убить своего мужа?

Гу Шаобай усмехнулся:

— Вот бы этой чашкой воды тебя утопить!

Му Цинфэн засмеялся:

— Чаем меня не утопишь, но если хочешь, чтобы я умер, есть один способ...

Гу Шаобай, хотя и знал, что он скажет что-то неприличное, все же не удержался:

— Какой?

Лицо Му Цинфэна приблизилось, и он шепнул ему на ухо:

— Ты можешь задушить меня...

— Что? — Гу Шаобай не понял.

В следующий момент его губы были захвачены горячими устами Му Цинфэна. Гу Шаобай инстинктивно хотел отстраниться, но одна рука крепко схватила его за затылок, не давая убежать.

Мягкий язык скользил между его зубами, словно завораживая, снимая все слои сопротивления, пока не осталось лишь сладкое переплетение.

Гу Шаобай тихо дышал, его щеки покраснели, а черные глаза наполнились влагой, делая его взгляд еще глубже.

Жар в груди, казалось, перекинулся на лицо, и даже мочки ушей горели. Когда он пришел в себя, то понял, что сидит верхом на ноге этого наглеца в крайне неприличной позе.

Он быстро убрал руку с плеча Му Цинфэна, а тот, улыбаясь, уже собирался что-то сказать, но Гу Шаобай резко закрыл ему рот:

— Замолчи... Уже поздно, мне пора спать... И ты иди в свою комнату!

Затем, не дожидаясь ответа, он вскочил на кровать и укрылся одеялом с головой.

Внутри он ругал себя: «Гу Шаобай, твой старший брат в тюрьме, как ты можешь быть таким бесстыдным!»

Дописала до этого времени и чувствую, что застряла с сюжетом!

<http://bllate.org/book/16730/1538965>